

Самое лучшее предназначение есть защищать свое отечество.

Державин Г. Р.

№ 4 (95)

апрель
2015 года

Кубанский Писатель

12+

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

ПОЗДРАВЛЯЕМ С 70-ЛЕТИЕМ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ!

К 95-летию К. А. Обойщикова

«ГЛЯДЕТЬ НА МИР ВЛЮБЛЕННО»

К. Обойщиков

НАГРАДА

*Да что там орден, что медали —
Уже устали получать!
Награду высшую нам дали:
Рассветы майские встречать.
Прошли такие муки ада,
Такой огонь пришлось гасить,
Что никакой другой награды
Не догадаешься просить.
Мы шли в бои не для наживы,
Нам не нужны похвал слова.
И суть не в том, что сами живы,
А в том, что Родина жива.*

Друзья называли его ласково: Кроня. В нём не было ни капли спесивости, высокомерия. Превосходя многих по таланту и положению в литературном мире Кубани, он позволял обращаться с собой попросту, без церемоний.

Большая жизнь, большой опыт, большое доброе сердце. Всё это вылилось в сотни стихов, десятки книг...

Обаяние летчика-фронтовика, участника Великой Отечественной войны чудесным образом витает в строчках его стихов. Военный летчик! Что могло быть романтичнее в далекие годы юности Крониды Александровича? Ему было тринадцать лет, когда страна с волнением следила за спасением челюскинцев героями-летчиками, среди которых был и наш земляк Анатолий Ляпидевский. Когда Валерий Чкалов совершил беспосадочный перелет от Москвы до американского города Ванкувера, Обойщикоу минуло семнадцать. Страна бредила авиацией.

Читатели, конечно, помнят Саню Григорьева из романа Валентина Каверина «Два капитана»... Крониду Обойщикоу было примерно столько же лет, сколько и герою Каверина, когда он, выпускник Краснодарского военного авиационного училища, принимал участие в боевых действиях на Юго-Западном фронте. Потом его посылают на Северный флот для охраны конвоев союзников. В должности командира эскадрильи он перегоняет самолеты с сибирских и закавказских аэродромов в действующие полки Северного и Балтийского флотов.

Ему было тогда двадцать с небольшим. Но жизненный опыт определяется не количеством прожитых лет, а насыщенностью жизни, неравнодушием к людям, умением преодолевать испытания...

Талантливый поэт может рассказать о «времени и о себе» больше, чем увесистые тома учебников. Войну Кронид Обойщиков знал не понаслышке, поэтому в его стихах

нет умозрительности, многословных рассуждений, зато есть зримые, осязаемые картинки, взятые из жизни.

Вот, «согнувшись в три погибели», бежит связист, «туда, где слышится стрельба густая». А вот дядя Миша-сапер, чей корявый почерк, запомнили тысячи людей — ведь это он, «идя впереди полков прорыва», писал «то мелом, то кусочком угля» заветные слова: «Объект проверен».

«По длинной улице села», мимо «печалью выбеленных» хаток идет суровая молчаливая колонна мужчин, вчерашних пахарей, провожаемых тоскливым взглядом жен-солдаток. Степь у Обойщикова — «в

рубцах и шрамах», а «колосья с запахом свинца». Воронье и гнedyе лошади, отправляемые в «красных теплушках» на фронт, оглашают станцию печальным ржанием...

Но уже слышен чеканный шаг грядущей Победы! Ею напоен воздух, «в районе военных действий в атаку пошла весна». Еще немного... и в поверженном Берлине будет начищать сапоги «чей-то взвод на Линденштрассе», и будет походный повар щедро раздавать голодным немцам полные миски горячей каши.

*Пляшут весело в обнимку,
хлопцы энского полка:*

*украинцы — кабардинку,
Кабардинцы — гопака!*

Общая радость, общая Победа, братское единение народов страны-победительницы! Читая эти строки сегодня, невольно думаешь: как много мы потеряли, разбредясь по индивидуальным национальным квартирам.

Военный летчик Кронид Обойщиков знал цену мирному небу. Ведь он со своими товарищами-однополчанами завоевывал его собственной кровью. Поэт взволнованно говорил о том, что красота любимой Родины, которую он видел с высоты птичьего полета, находится в жестком противоречии с войной, уносящей жизнь его товарищей.

Самый высокий и святой храм для поэта — родная земля. Вечная, бесконечная, а потому всегда молодая. Ее нужно беречь, лелеять, защищать от орды «шалых разбойников» с «лихими топорами». Природа в поэзии Крониды Обойщикова — живое существо. Каждую минуту он ощущал «ее могучее дыхание, ее волнующую плоть», ее «всесильную красоту». В трудную минуту он уходил туда, «где стоят сосновые леса, где воздух стоек, словно брага». Только здесь, в этом «чистом храме» его спасенье. Только здесь поэт находил гармонию и успокоение, забывая о том, что «где-то есть его враги»...

Впечатление от стихов Обойщикова усиливается тем, что поэт постоянно создавал собственную причастность ко всему, что происходит в стране. Всеми силами большой доброй души Обойщиков желал счастья своему народу, изстрадавшему за свою историю столько бед и трагедий, принесшему так много жертв и так мало получившему взамен...

Свою собственную жизнь, пусть трудную, опаленную войной, поэт все-таки считал счастливой. Такой уж он был человек — ничто его не могло его сломить. Из его светлых стихов читатель сполна черпает неиссякаемый оптимизм, жажду жизни и любви, мягкий добрый юмор. Тем, кто упал духом под гнетом невзгод и болезней, поэт говорил шутиливо:

*Я вам скажу на этот случай,
Хотя и сам уж инвалид:
Пускай болит, ведь это лучше,
Когда ничто уж не болит.*

Как тут не улыбнуться, не распрямить плечи? Какой заразительный пример жизнелюбия подал нам убеленный сединами поэт-фронтовик!

Уметь «глядеть на мир влюбленно» — не в этом ли высшая человеческая философия? Не в этом ли вечное неугасающее обаяние нашего поэта? Любить жизнь, не требуя от нее каких-то личных благ, а ради нее самой, по-детски радуясь каждой прожитой минуте — вот в чём состояло основное правило Крониды Александровича Обойщикова.

Людмила Бирюк

Во всех отделениях связи началась подписка на 2-е полугодие 2015 года!
Подписной индекс в каталоге «Почта России» — 54713.

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ

Александр ЛЕОНИДОВ

СОБАЧИЙ ЯЗЫК ЗА СОБАЧИМ СЕРДЦЕМ...

Лучшим фильмом 2014 года кинокритики США назвали драму «Прощай, речь». Это «не пойми что» 84-летнего франко-швейцарского режиссера стала лучшей картиной 2014 года по версии Национального общества американских кинокритиков. Фильм повествует о замужней женщине, одиноком мужчине и собаке. Кинолента выполнена в формате 3D, передает ТАСС.

Фильм «Прощай, речь» суперблатного Жан-Люка Годара показали на Московском кинофестивале. Новая картина классика французской «новой волны» снята с точки зрения собаки, наблюдающей развитие любовной истории, — и вполне оправданно претендует стать манифестом нового кино.

На наш взгляд, это яркая веха деградации Запада — где кинематограф разделен на два рукава, все дальше расходящиеся друг от друга (и от психической вменяемости):

Все более и более тупоумные награждения спецэффектов, претендующие быть «захватывающими» для дебилов.

Все более и более заумные кривляния «блатарей» киномасонери, претендующими на оригинальность своей непонятностью и бессмысленностью.

Как пишут обозреватели — «Годар умнее, старше и ироничнее большей части своих зрителей, с этим надо смиряться, входя в кинозал». Фильм, премьера которого прошла на Каннском кинофестивале, он ультимативно назвал «Прощай, речь». Хотя некоторые косные традиционалисты в этом названии пытались увидеть «шутку гения», он настаивал, что «как всегда, предельно серьезен».

+++

Четыре года назад на ММКФ показывали первый за шесть лет фильм Жан-Люка Годара под названием «Фильм-социализм». На показ картины живого французского классика, автора «На последнем дыхании» и «Безумного Пьеро» набился полный зал. Те зрители, которым довелось заполучить центральные места, с плохо скрываемой гордостью поглядывали на тех, кому пришлось устраиваться на ступеньках.

Примерно на десятой минуте сеанса ситуация кардинально изменилась: самые отважные, отдавив соседям ноги, покинули кинозал, на лицах тех, кто остался, преимущественно читался ужас перед тем, на что они себя обрекли.

На экране действительно происходило что-то невообразимое: появлялись военные преступники и московская девушка-милиционер, показывалась одесская «эйзенштейновская» лестница, дети говорили цитатами из европейских философов, работница бензоколонки обещала убить за Бальзака...

«Руководствуясь линейной логикой, понять что-то в этом киновареве было решительно невозможно» — признавала восторженная Годаром «Газета.ру».

+++

В отличие от предыдущей картины в «Прощай, речь» есть формальный (и почти странный) сюжет — условная любовная история, показанная, кажется, с точки зрения собаки (в этой роли — пес самого Годара).

Некоторым издевательством многие зрители уже сочли и то, что фильм снят в 3D — из экрана торчат то собачий нос, то накладывающиеся друг на друга титры.

«Прощаясь со словами, с привычным логоцентричным кино, Годар предлагает вместе с ним проследить за рождением другого, непередаваемого и универсального языка, на котором он по-прежнему говорит едва ли не лучше всех, кто сегодня называет себя кинорежиссером» — пишет «Кинообозрение».

Вам не кажется, что это уже напоминает раздел «творчество душевнобольных»?

+++

В чем дело? Что происходит? Для тех, кто ещё в состоянии связно мыслить — постараюсь объяснить...

Ключевой вопрос заключается в иерархии текстов человеческой культуры. Культуру порождает расстановка приоритетов: этот текст наиболее приоритетный, тот — второго уровня, а тот третьего и т.п.

Это — помогает разделить абстракции мышления, необходимые развитому со-

знанию от бреда.

Человеческие тексты не могут слепо копировать текущую действительность: тогда они будут слишком бедными, примитивными и тупыми. Они должны оторваться от окружающей очевидности и говорить о чем-то обобщенном, неочевидном, но самом важном. Им нужны символы, аллюзии, метафоры, парадоксы и т.п.

Но этот процесс, лежащий в основе всякого творчества и всякой развитой культуры — очень опасен. Как отличить метафору,

Александр Леонидов — настоящее имя Филиппов Александр Леонидович, родился в 1974 году в Уфе. Сын известного конструктора-изобретателя Л. П. Филиппова и основоположницы гастритной кумысологии Г. В. Филипповой (Журавлевой). Окончил среднюю школу N39, Башкирский государственный университет (исторический факультет, 1996 г.). За годы учебы написал историческую монографию «Луллубейство-феномен древней истории» (Уфа, БГУ, кафедра древней истории, 1996 г.) После учебы проходил срочную воинскую службу во внутренних войсках. Лейтенант запаса. Член союза журналистов России с 1998 года. Издал четыре художественных книги — «История болезни» (реализм), «Академик мира сего» (фантастика), «Экзистенция» (фантастика) и «Песнь об Уруке» (историческая повесть о Шумере). Старший литературный консультант Союза писателей Башкирии с 1999 года. Член Союза писателей России с 2005 года. Ведущий эксперт-обозреватель журнала «Профсоюз и экономика» (Москва), «Экономической газеты» (Москва), «Новой экономической газеты» (Уфа), газеты «Экономика и мы» (Уфа). Автор двух монографий по экономике — «Финансы Региона» и «IR — искусство привлечения инвестиций» (2007 и 2008 гг.). Выдвинул в экономике теорию ПСИХОЦЕНТРИЗМА — есть первичной зависимости всех экономических процессов от процессов мышления, сознания, веры и передачи информации. От экономического психоцентризма перешел в область политологии, создав новую науку — СОЦИОПАТОЛОГИЮ — изучающую психические расстройства коллективного разума. По определению А. Леонидова, «социопатология — это мышление и поведение, ведущие к вымиранию рода своих носителей». С 2010 года издает журнал «Национальная безопасность и социопатологии» (имеется интернет-версия). Один из основателей ЕвРАПИ — Евразийской Академии проблем интеграции (наряду с Э. Байковым, Г. Садовниковым, В. Авагяном, Т. Савченко, Р. Латыповым, Р. Шариповым и др. известными учеными).

аллюзию, символ, парадокс, паллиатив — от психопатического бреда? Как сделать так, чтобы сложное абстрактное мышление не превратилось в бредовое мышление?

Всякая сложная метафора в рамках иной культуры не только покажется бредом, но и будет бредом.

Да что там сложная — вообще любая! Почему англичане про плохую погоду говорят «кошка с собакой», а русские про постыдную неудачу — «сел в калошу»? Если это перевести с языка на язык дословно и без пояснений, то возникнет устойчивое ощущение бреда и сумасшествия.

Для социопатологии это вполне понятный, предсказуемый и объяснимый эффект. Если мы потеряем иерархию текстов, соподчиненность, приоритетность текстов относительно друг друга в рамках общей культуры — ИСЧЕЗНЕТ РАЗНИЦА МЕЖДУ АБСТРАКТНЫМ МЫШЛЕНИЕМ И БРЕДОМ!

Для пояснения этого научного закона социопатологии возьму простейшее, элементарнейшее — детскую песенку из популярной детской киносажки. Беру её совершенно произвольно — её можно заменить любой другой песенкой, считалочкой, стихом или сказкой:

Старичок-лесовичок зацепился за сучок

Самому никак неотцепиться,

Провисел я здесь всю ночь,

Я прошу вас мне помочь,

На тропинку с дерева спуститься...

Хотя киносажка советская, очевидная иерархия текстов, самый приоритетный из которых выступает контекст традиционного христианского гуманизма европейской цивилизации. В СССР он действует уже инкогнито, придушено — но действует.

Именно он объясняет, почему старичку-лесовичку нужно помочь, а не, скажем, высмеять его нелепое положение, съезжать в качестве дичи-добычи, вообще обращать на него внимание (мало ли шишек висит?!).

Смысл песенки очевиден только тому, кто находится в контексте еврохристианской традиции человечности, хотя о ней ни словом не упоминают. Да и не должны: главные тексты культуры действуют как бы за кадром текущих текстов, они присутствуют по умолчанию. Если бы их выпячивали — они были бы не главными текстами, а полемическими (т.е. не догматическими, а обсуждаемыми, дискуссионными).

Далее, очевидна приоритетность народного фольклора в песенке. Чисто теоретически «старичок-лесовичок» как вымышленная фигура, ничем не отличается от «старичка-канализационного», «старичка-котельного» или «старичка-унитазного».

Однако последних, как злое издевательство, не пропустила бы советская цензура, да и авторы не додумались бы говорить о них всерьёз. Народный фольклор почитаем — и если он не нарушает законов еврохристианской человечности (а он ино-

согласования. И слова тоже разные.

Есть главные — которые всем нужно знать. Есть жаргонизмы, термины — которые не всем знать обязательно. Есть и глоссолалия, (а кроме неё шизофазия) — бессмысленное звукоискусствие, которую не нужно знать никому...

+++

Когда мы говорим о «гниющем Западе» — нужно понимать, в каком смысле он гнивает. Не как брюква, естественно, и не как патиссон под кроватью. Он гнивает через нарастающее равноправие текстов (и смыслов) — которое смонтировано в центральную часть его идеологии.

Он вполне сознательно и с вызовом описывает, говорит и показывает отношения содомитов теми же словами, как и «традиционную» любовь. Он вполне сознательно и с вызовом описывает, говорит и показывает божка Уицлипуцли теми же словами, что и Христа. Он вполне сознательно и с вызовом описывает, говорит и показывает чувства, переживания святых — и каннибалов, праведников — и преступников. Запад уравнивает на уровне текстов (и смыслов) первейшие потребности и вычурно-экзотические капризы, подвиг и паясничество, созидательный труд и томительное безделье, человеческую радость — и наркотический угар.

Расплатой за такое нарушение законов науки по имени «социопатология» — является прогрессирующий распад сознания, распад разума на Западе.

В узко-экономической сфере этот распад разума и сознания в начальной его стадии (инкубационной) — выглядит даже позитивно.

Дебил в роли официанта или заправщика бензоколонки безусловно, проявлял, и проявляет себя лучше Эйнштейна в этой же роли. Дебил делает свою работу хорошо — если это простейшая монотонная работа, просто потому что ничего кроме своей простейшей работы не знает и ничему другому не научен.

А для человека психически развитого монотонная работа попросту невыносима! Там, где ум, там и хитрость — там начинается игра «русской смекалки». А она так портит жизнь всем потребителям, сталкивающимися не с роботами без мозгов, а с равными себе, полноценными людьми в роли обслуги!

Для наилучшей работы экономики в роли обслуживающего персонала должны быть люди с очень и очень ограниченным мышлением, не тяготящиеся монотонностью труда, не задающие «лишних» вопросов об анатомии человеческого неравенства, чуждые ненависти к своим хозяевам, и т.п. Именно поэтому в угнетательском обществе полноценное образование доступно только высшим классам да сверхталантливым единицам из низов — принято считать, что массам лишнего знать не нужно.

Советское же образование в рамках своей идеологии произвело опаснейший эксперимент, заставив каждого мусорщика и ассенизатора — даже против их воли — изучать тончайшие материи, наследие многовековой работы человеческого интеллекта.

Все это так. Но мы сейчас говорим не об узкой экономике. Мы говорим о сознании личности и общества — распад которых всегда негативно скажется на социуме, даже если в начальной стадии он и поможет небрежной работе сервисов.

+++

Словом, в соответствии с законами социопатологии, несвобода создала культуру, культура создала человека — а свобода действует в обратном порядке: развал культуры (уже очевидный нам) — и по его итогам развал человеческого в человеке (пока ещё не всем очевидный).

Дело не в Годаре, конечно. Таких Годаров вокруг нас тысячи, и вы их знаете не хуже меня. Не хочу создать впечатление, что я цепляюсь к старому французскому марзматику...

Дело в том, что он нащупал некий нерв «прекрасного нового мира» — и выразил его в кричащем заглавии: «ПРОЩАЙ, РЕЧЬ!». Скажите, можно ли быть более откровенным в деле разрушения культуры?!

Кабардино-Балкария — страна поэзии

(Окончание. Начало в №3)

Кабардино-Балкарский феномен заботы о поэтах и писателях исходит прежде всего от первого лица республики. Можно было бы понять эту его заботу, если бы он пришёл к нынешней высокой должности от образования, или культуры. Но ведь Юрий Александрович Коков пришёл от силовых структур!

Здесь мне следует остановиться, чтобы избежать обвинения в невежестве. «Силовые структуры» не редко проявляли заботу о культуре не меньшую, чем «гражданские». Поскольку в моём очерке речь идёт об отношении к поэзии, не могу не сослаться на один поучительный пример из далёкого прошлого. Античный знаменитый историк Плутарх в своих «Сравнительных жизнеописаниях» рассказывает такой эпизод. Когда Александру Македонскому принесли драгоценности побеждённого персидского царя Дария, внимание всех придворных и царя привлёк богато и искусно отделанный ларец. Македонский царь спросил: «что заслуживает того, чтобы хранить его в таком чудесном ларце?». Среди придворных начались споры. Их прервал полководец, демонстративно положив в ларец поэму Гомера «Илиада». Плутарх далее сообщает, что Гомер был «хорошим советником Александра и товарищем в его походах». Дело не только в том, что «Илиада» — поэма в основном батальная. Поясняет другой великий полководец, Наполеон Бонапарт, который заботился о том, чтобы поэмы Гомера были представлены во всех императорских библиотеках. «Илиада», — говорил Наполеон Бонапарт, — так же как Книга Бытия и сама Библия — знамение своего времени... Что поражает меня в ней более всего, так это то, что тогдашние грубые нравы соединяются в ней с истинным совершенством мысли». Наполеон всегда выражался сжато и точно, и в данном случае, он точно отметил, что Поэзия всегда есть знамение своего времени. (Ведь Библия, как, кстати, и Коран, тоже Поэмы).

Политикам, большим и малым, а также чиновникам, если они хотят чувствовать «пульс» своего времени, его «дыхание», надо учиться понимать поэзию своего времени. Как врач помогает поставить правильный диагноз «пульс» и «дыхание» правильно, так поэзия помогает политике понять болезни т.е. проблемы, своего времени. Одними социологическими исследованиями и журналистскими расследованиями этого достичь невозможно. Поэзия даёт ведь не только эмоциональную образность, она представляет смыслообразы. Ещё великий Петрарка доказал, что у философии и у поэзии предмет общий. Они одинаково глубоко отражают веяние своего времени. Выполнять столь высокую миссию поэзии не легко. Чтобы её выполнить поэт должен всецело посвятить себя ей. Недаром говорят, что поэзия — это судьба. Мой любимый испанский поэт Ф. Г. Лорка эту мысль выразил так: «Самая печальная радость — быть поэтом. Всё остальное не в счёт. Даже смерть».

На следующий день 22 декабря 2014 года в республиканском музыкальном театре — второй торжественный вечер, но уже посвящённый 80-летию народного поэта Кабардино-Балкарской республики Зубера Тхагазитова. В огромном зале не было свободного места. Министр культуры КБР М. Я. Кумахов делает доклад о жизненном и творческом пути юбиляра. Выступают артисты и гости с приветствиями. Поражённый размахом и этого юбилейного мероприятия, я, в своём выступлении, пытаюсь доказывать, что такое отношение здесь к Поэзии — явление закономерное. Ведь Кавказ не только Запад, но и Восток. О недостижимой высоте поэзии Востока говорил ещё Гёте: «Персы из всех поэтов за пять столетий признали достойными только семерых, а ведь среди прочих, забравших их, многие будут почище меня». Великий немецкий поэт не кокетничал — он говорил правду. Исследователи отмечают, что средневековая персидская поэзия такой же бесценный вклад в мировую культуру как

древнегреческая драматургия, итальянская живопись Возрождения, русская классическая литература... Проблема в том, что не все шедевры персидской литературы на языке фарси переведены сколь-нибудь адекватно. Один исследователь проблем поэтического перевода писал, что за «переводимость» второстепенных стихов первостепенные «мстят» своей неперево-димостью. Есть вещи неперево-димые: с утратой стиховой музыки, с потерей звука искажается и смысл, становящийся лишь буквальным.

Язык фарси стал официальным языком первого могущественного иранского феодального государства династии Саманидов,

возникшего после свержения в IX веке власти арабского халифата. Время с IX до конца X веков — «Золотой век» персидской поэзии на языке фарси. В это время в хваленной Европе не только не знали большой Поэзии — там не знали мыла, нижнего белья, бань, туалетов и ещё многое из культуры, что потом европейцам принесил мусульмане — арабы южной Испании.

Потом приходили другие династии, менялись форматы империи, но поэзия на фарси, переживая и «золотые» и «серебряные» века продолжала распространяться на огромной территории от восточного Туркестана до Средиземного моря и Персидского залива. Как ни странно, при всех династиях дворцы эмиров, шахов и султанов становились средоточием поэтических талантов. При дворцах организовывались поэтические фестивали (выражаясь современным языком) и состязания поэтов. Шахи и султаны не только содержали придворных поэтов, но даже воевали между собой за возможность иметь при своём дворе лучших и талантливейших поэтов. Двигало властью не только тщеславие, но и понимание социальной роли поэзии.

Хорасан, Герат и Шираз делили славу поэтических столиц. Поэтическая аура этих столиц покрывала и Кавказ. Ведь ещё в 1736 году при Надир-шахе владения Ирана-Персии доходили до правого берега Терека и включали Дагестан и всё Закавказье с Грузией, Арменией и Азербайджаном.

Не случайно в этих краях в бакинских чайханах Сергей Есенин вдохновлялся на изумительные стихи с персидскими мотивами: «Шаганэ, ты моя Шаганэ»...

Одним словом, появление на Кавказе талантливых поэтов — явление и исторически, и генетически закономерное. И забота властей Кабардино-Балкарии о поэтах, пожалуй, тоже имеет исторические корни.

Замечательно и то, что российские поэты (А. Пушкин, М. Лермонтов — прежде всего, и ещё многие-многие другие) становились кавказскими поэтами, а кавказские поэты (Ш. Руставели, Р. Гамзатов, К. Кулиев, А. Кешоков и многие-многие другие) становились общероссийскими поэтами.

Зубер Тхагазитов родился в посёлке Терек Терского района КБР. Поэтом Терек, буйный нрав которого воспет ещё Ю. Лермонтовым, прочно вошёл в его поэзию. Через образ Терека передаётся и кавказский темперамент кабардинского поэта.

«...Моё сердце горело, и чувств полноводье
меня — Тереком бурным — куда-то несло.

И крутило нещадно меня, и вертело,
и на дно, как воронка, тянула судьба.
И оплакивал я, одинок без предела,
искаженный, расплывшийся мир и себя.

Только сердце не стало мудрее хоть малость,
безрассудно в нём жажда любви говорит!
Так вот бабочка, хоть и не раз обжигалась,
Всё же тянется к лампе, пока не сгорит.

(Из сборника «Рождение песни», 1989)

Когда кавказский мужчина говорит о любви к Женщине, он не может пройти мимо одной женщины, имя которой — Мать. И, конечно, Зубер Тхагазитов, тоже, слагает стихи о Матери.

...я прожил пол жизни на свете уже,
а спящей тебя не видел ни разу!

С утра и до позднего вечера ты умеешь занять свои руки делами...
И я отказался от дерзкой мечты воспеть тебя, мама, своими словами.
На помощь великих поэтов призвал и справился с трудной задачей в итоге: как будто бы каждый из них написал тебе свои самые лучшие строки.

(Из сборника «Иду к тебе», М 1978)

Талантливые стихи возвышаются над своим временем. Они звучат и тогда, когда проходит время их породившее. Стихи З. Тхагазитова, написанные в прошлом веке, актуальны и в 21 веке, поразительным образом соединившим бурное развитие информации с отчуждением и одиночеством людей. Каждый из нас, наверное, подпишется под содержанием двух следующих его стихотворений.

Мы ищем собеседников по свету,
Один к другому тянуться умы...
Давай с тобою заведём беседу,
Быть может — и друзьями станем мы.

пусть нового не много я скажу,
Но душу пред тобою обнажу.
А ты своё поведаешь в ответ.
В таком обмене — проигравших нет.

И, может быть, в конце концов вдвоём
Поймём скорее — для чего живём.

(Из сборника «Лицо Земли», М 1974)

«О громе и тишине»

— В природе нашей это изначально:
звон водопада и вершин молчанье,
и штиль морской, и ликование птиц.

— Не забывайте же о тишине,
дань воздавая грохоту и грому,
Ведь на земле, как никому другому,
она необходима вам и мне,
чтоб с жизнью посидеть наедине.

(Из сборника «Иду к тебе», М 1978)

Юбилей Зубера Тхагазитова далее предусматривал те же мероприятия, что организовывали и на юбилее Т. Зумакуловой. На следующий день мы выехали на родину поэта в Терской район. Здесь в родной школе поэта было организовано его чествование. Но что было замечательно: его организовали и вели ученики. Они рассказывали о творчестве поэта, читали его стихи: получился прекрасный Урок Поэзии.

Далее надо бы вести более подробный разговор о поэзии Зубера Тхагазитова. Он пишет на адыгском языке так талантливо, что, как и творчество Танзили Зумакуловой, его творчество надо рассматривать в общероссийских масштабах. Но рамки моего очерка не позволяют этого сделать. Я ведь не ставлю здесь задачи анализировать творчество двух юбиляров. Для этого нужен отдельный и большой разговор. Моя задача проще и состоит в том, чтобы рассказать о празднике Поэзии в Кабардино-Балкарии, об основных событиях праздника. И ещё хотелось поделить мыслиями, этим праздником порожденными.

А то, что я уделил больше внимания жен-

щине — так это в наших кавказских обычаях.

22 декабря 2014 года наступил грустный день расставания. Мы, гости, уже давно обменялись всеми своими книгами, которые захватили с собой, адресами. «Персональный» куратор Руслан Хамидбиевич привёз меня на вокзал и не уходил пока не тронулся автобус.

Праздник Поэзии завершился, но остался со мной навсегда как праздник. В автобусе вспоминались его разные сцены, эпизоды, знакомства. Всё это проходит через меня не подвластным сознанию потоком ощущений и воспоминаний. Один вывод стал мне ясен: если мы не будем такими мероприятиями очищать и оздоравливать загаженный масс-медиа социо-культурный климат нашей страны, то вместо подлинной культуры и подлинной Поэзии будем иметь потребительскую культуру и «поэзию» телевизионных реклам (в них тоже читают стихи) и прочие «китч»-евые, т.е. (дословно) дешёвые, ценности, ежедневно и ежечасно распространяемые «чёрным ящиком» и жёлтой прессой. Нашим врагам мы нужны именно такими духовно опустошенными.

Я думал о том, как по приезду домой передать друзьям по писательской организации свои впечатления и мысли. О том, что обязательно расскажу, как имевшиеся у меня штук пятнадцать газет «Кубанский писатель» с подборкой стихов Владимира Архипова, разошлись среди участников юбилея с такой скоростью, с какой с лотка расходятся горячие пирожки в холодную погоду; что часто спрашивали сборники другого нашего поэта Николая Зиновьева, что говорили о творчестве Светланы Макаровой и колоритной прозе Николая Ивеншева. Нашу кубанскую прозу и поэзию в стране знают и ценят. Этот приятный вывод тоже надо донести до своих друзей..

Все эти радужные мои размышления прервал первый блок-пост, встретившийся вскоре после г.Нальчика. Автоматчики держали оружие наготове. Всех высаживали. В отдельном помещении предъявляем паспорта, данные которых запускаются в компьютер. Некоторых снимают с рейса. Блок посты и далее неоднократно повторяют эту процедуру.

Всё это отрезвляет от поэзии, возвращает не просто к прозе жизни, а к её жестоким сторонам. Нам наглядно демонстрируют, что Республика, в которой мы были, находится в зоне повышенной террористической опасности. А она на несколько дней погрузила нас в прекрасный мир Поэзии! Где логика? Логика есть. В любой борьбе — самое опасное — не замечать у себя слабые, а у противника — сильные стороны.

Самое опасное в борьбе с терроризмом, особенно религиозного толка, упрощать, оглулять его, видеть в террористах одних безумных и бездушных примитивных фанатов. Феномен исламского терроризма сложнее, глубже чем такое его представление. За ним стоит своя идеология, своё миропонимание и своё жизнепонимание и, следовательно, своя духовность. Он имеет социальные корни, более глубокие, чем мы представляем. Человек, сознательно идущий на смерть, чувствует если не поэзию жизни, то поэзию смерти. Борясь с терроризмом полезно критически посмотреть и на нашу современную цивилизацию с её обществом массового потребления, лишаящим молодёжь всякой романтики. Не потому ли в стан мусульманских террористов идут молодые люди восточного происхождения, родившиеся и выросшие в Западных странах? Если не учитывать всего этого и бороться с терроризмом только в юридическом и силовом формате, то вряд ли мы его искореним. Мы должны его одолевать и в сфере философии и духовности, в сфере жизнепонимания и культуры (т.е. и в поэзии).

Следовательно, то, что происходило на юбилейных торжествах, посвящённых двум народным поэтам Кабардино-Балкарии и то, что происходит на его строгих блок-постах вполне согласуется. В данном случае Министерство культуры и силовые структуры КБР действуют в едином русле.

Айтеч Хагуров, профессор,
член Союза писателей России,
лауреат литературной премии
им. Степановой.

ЮБИЛЕЙ

Писатель, если только он волна,
А океан – Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.

Я. Полонский

Нет, он не пришел, он ворвался в нашу жизнь. Ворвался своей поэзией... Читаю его стихи подруге по телефону, после молчания отвечает хриплым голосом, сквозь слезы: «Читай, читай еще...» Слышу, как плачет... У меня самой голос на срыве и комок в горле.

Чьи стихи? Большого поэта – Николая Александровича Зиновьева. Стихи, которые я читала подруге, как и многие другие стихи поэта, разошлись по всей России гораздо быстрее, чем вышли в свет его книги. Люди переписывали их друг у друга, заучивали наизусть – все, как и должно быть с настоящей поэзией. Наверное, также распространялось стихотворение Лермонтова «На смерть поэта». У Зиновьева большинство его стихотворений можно объединить названием – «На смерть Родины».

Читаю и перечитываю вновь. Такого у меня не было давно: после смерти Ю. Кузнецова никого не хотелось перечитывать. Правда была ошибка: строки одного поэта поразили столь сильно, что взяла их эпиграфом к циклу своих рассказов «О перестроенном детстве». Строки были сильные, о беспризорниках, они ранили душу. Пошла и купила сборник этого поэта. Первое стихотворение, на которое наткнулась, было посвящено высокому лицу. В нем рассказывалось о том, как хороша была встреча с этим человеком, но главная мысль – жаль, что это был сон. Вот так. Подобная «широта восприятия» как-то не воспринималась даже богатым писательским воображением: дети, глядящие из люков, за что поэт был «кого-то убить готов» и радость от встречи того, кто мог изменить жизнь этих детей, но... наверное, не знал (да и хотел ли знать?) о судьбе этих несчастных! Вспомнилось бесплощадное цветаевское:

Два на миру у меня врага,
Два близнеца – неразрывно – слитых:
Голод голодных – и сытость сытых.

Спасибо, Марине за то, что так остро ощущала социальную несправедливость! Закрала приобретенный сборник поэта, к тому времени ставшего лауреатом нескольких литературных премий. Закрала, чтобы больше не открывать. Кстати, в этом сборнике (кроме строк о детях) ничего больше не хотелось перечитывать. Николай Зиновьев говорит, что это уже неплохо, когда у поэта найдется хоть одна «берущая за душу строчка». Впрочем, я хочу говорить о нем – народном поэте Николае Зиновьеве.

Николай Александрович Зиновьев... Спасибо, что Вы существуете. Нет, не «существуете», горите и освещаете нам жизнь! Давно хотелось такого поэта. Нам, прозаикам, тоже так думающим и чувствующим, выразить все, чем мучаешься в стихах не дано. Подчас проза отступает, не найдя в себе сил изобразить четко и лаконично то, чем переполнена душа.

Ваша поэзия – дерзкий вызов сытой «верхушке» общества. Читаю, и само собой вспоминаются строчки Роберта Бернса с его гордостью «честной бедностью». На мой взгляд, многие стихи Зиновьева напоминают стихи шотландского поэта: в них тоже неприятие паразитического образа жизни людей, презирающих трудовой народ. Вот почему стихи русского поэта близки шотландцу не только тематически, но, подчас и поэтическим строем: лаконизмом, четкостью и нескрываемой авторской позицией. Они частенько переключаются, взяв хотя бы это обращение «брат», столь любимое шотландцем: – «Но такая жизнь наступит на твою могилу, брат». (Н. Зиновьев. «Ты живешь, предполагая»). Ехидный критик возразит: «Копирует Бернса, повторяется поэт». А я возражу: «Милейший, не в этом дело, у больших поэтов всегда найдется много общего». А в нашем случае: общим для Бернса и Зиновьева стало то, что оба поэта развили в себе непримиримый пафос борца за трудовой народ и, смело, а, подчас дерзко, в разные времена отстаивают права обездоленных людей. Капитализм – он во все времена капитализм, у него одна сущность. Так и получилось, что Бернса и Зиновьева, выбравших путь борьбы за народ, за торжество правды, за веру в социальную справедливость роднит не только тематиче-

Нина ЧЕРЕПЕННИКОВА

«Мои стихи есть жизнь сама, порой сводящая с ума...»

Заметки о поэзии Николая Зиновьева

ский, но и поэтический строй. Оттого много общего. В том числе и терновые венки.

Что стоит одна критика в адрес Николая Зиновьева. Ее даже трудно назвать критикой. И слово «критиканство» не подходит. Скорее это – брань. Не знаю, чем (или кем) руководимы были критики «имеющие отношение к поэтическому цеху» (как выразился

В. Шемшученко), но их критика больше похожа на склоку, местами переходящую в прямое оскорбление. Ах, как же ядовита змея, по имени зависть! Появляется зашоренность, и один поэт не может увидеть в словах другого удачные эпитеты, слог и прочие достоинства. И тогда завистник, в «сальериевском затмении» переходит на личность, превращая себя в «патриция», а «бедного» Николая Зиновьева – в «плебея». И идут в ход пустые, злобные упреки: Зиновьев назвал кресты на могилах «плюсиками» – какое кощунство! Диву даешься, ведь ты сам поэт и неужели не узрел, не позавидовал удачному сравнению. Да, это явное плебейство – не поставить на могиле мраморную доску, а еще лучше – монумент! Беден русский народ, но именно о нем почти все стихи Николая Зиновьева. Стихотворение это – великолепная элегия, нужно только вслушаться:

Минуты свободные редки,
А надо минут пятьдесят
Идти до кургана, где предки
Сухую травой шелестят,
Где сойка птенцов своих кормит,
Где крест, так похожий на «плюс»,
Опять ненароком напомним,
Куда я всю жизнь тороплюсь.

Не хочется останавливаться на критике «патрициев», она вся слабо аргументирована. Здесь вы не найдете претензий ни к содержательной стороне стихов, ни к технике, ни к рифме. Нет, нет и нет – отрицается все сразу, без подробного анализа. Истории литературы известно много имен подобных критиков, но знают их только литературоведы. Народ с ними, как с поэтами, не знаком. Лучше вернуться к нашему народному поэту – Николаю Зиновьеву. Достаточно, что об одном таком «критике» великолепно написал Н. Дорошенко в блестящей статье «Зависть и пустота» (см. газету «Российский писатель» за 2010 год).

Известность Николая Зиновьева естественна, потому что его поэзия идет пря-

мо – от сердца поэта к сердцу читателя. «Рифмованные банальности» (шипят «патриции»), легко запоминаются, их смысл ясен и доступен как интеллигенту, так и рабочему человеку. «Патриций» лопнет, но так не напишет:

Провожала мать сына, на войну провожала,
И сорвавши косынку, за вагоном бежала,
Вдруг в глазах зарыбило, и уже много лет,
Тянет ветви рябина электричкам во след.

Как просто, а дух замирает...

Его художественные образы неожиданны. Поэт Зиновьев всем понятен, и от его глубокой и проникновенной простоты выступают слезы на глазах. Вот почему я нашла много общего между двумя живущими в разные времена поэтов: Р. Бернса и Н. Зиновьева. Оба поэта отличаются гениальной простотой и оба сделали сознательный выбор в пользу народа, претендующего на национальную независимость и на свободу. Как не вспомнить Бернса, когда наталкиваешься на строчки: «При всем при том...». По мнению А. Твардовского, Маршак очень свободно обращался с текстом Бернса, поэтому слова эти могли иметь и другой перевод. Когда читала Бернса в подлиннике, ловила себя на мысли, что есть и другой переводной вариант этих слов. Однако, меня, как и Твардовского, перевод Маршака вполне устраивает. И какое замечательное совпадение! Схожесть поэтов, живущих в разные исторические времена, произошла на социальной почве. Но, при всем при том, придворные критики, твякающие по наущению, как тогда, так и сейчас, остаются придворными, а народные поэты остаются народными. И вряд ли это изменилось со времен Бернса.

Ретивые критиканы договорились до того, что Николай Зиновьев «надавал народу пощечин», себя, естественно, причисляя к оному. Это Зиновьев, не любит народ?! Поэт, который до сих пор не может придти в себя от изумления, увидев, во что превратили народ за годы перестройки:

Солнце к вечеру плющится дыней,
Каждый встречный на вид не жесток,
Но ты сядь и скажи им: «Воды мне!»
- Обтекут тебя, словно песок. («Пустынник»).

Смирившийся с гнетом хамов народ, поэт не любит. И это справедливо. Такой народ живет, не думая о своей родине. Такой народ не пойдет ее защищать. Это ни для кого не секрет. Зиновьев не «пощечину дает народу», он кричит ему: «Встань с колен, ведь ты же русский и живешь на своей земле! Смотри, во что тебя превратили!»:

Боящийся шороха мыши,
Покорный всегда, как овца.
Считающий всех себя выше.
Забывший и мать и отца.
Не ищущий истины-брота.
Прислуга на шумных пирах.
Носящий лишь званье «народа»...
Такого народа – я враг.

Как эти стихи созвучны с бернсовскими:

Тот, кто решился по кускам страну свою раздать,

Пусть приобщится к дуракам – он будет мне под стать,

Мы станем с ним, рука к руке, два круглых дурака:

Один в дурацком колпаке, другой – без колпака.

Говорить народу правду в определенные времена просто необходимо. Это, как правило, делают избранные поэты, которых не купишь «подачками с барского стола». И Бернс, не отрывая себя от народа, пишет прямо:

Питаем мы своим горбом, потомственных воров, брат.

И лишь за гробом отдохнем, от всех своих трудов, брат. («Дерево свободы»)

Ему вторит Николай Зиновьев:

Как может быть мой дух высок, когда до поту, до измору.

Я за говядины кусок, дворец роскошный строю вору?

И все же, народ, одуроченный перестройкой, Зиновьев жалеет. Поэт видит народное горе и не боится о нем писать. У нас за время «перестройки» много написано рассказов и стихов о ее жертвах – бомжах. Но написать так пронзительно, как Зиновьев, не смог никто:

С неба снег летит кружа,
На дорогу, на бомжа,
Что так сладко спит в кювете,
Позабыв про все на свете.
Снег кружится, снег летает,
На лице бомжа не тает...

Такой же силы пафос отчаяния, тоски и скорби, как и в стихотворении «Пейзаж», звучит в стихах: «Пора весенняя плыла», «Беспризорник», «А я видел, как били «бомжа» и во многих других.

А как прекрасен цикл стихов, посвященный русским женщинам!

А по утрам в глазах темно,
На хате крыша вовсе спрела.
И вспомнить страшно, как давно,
Душа души перегорела.
Но на лице от жизни той,
Остался свет. Он нестираем,
Как отблеск бедности святой,
На миске с выщербленным краем.
(«Старая вдова»)

Его стихотворение «Первые сединки в волосах» по силе выразительности человеческого сострадания можно сравнить только с рассказом В. Дегтева «Джяляб». Этот талантливый писатель, рано ушедший из жизни, тоже говорил «горькую правду» людям, подчас не желающим ее знать...

Иногда сила поэтического слова Н. Зиновьева звучит столь сильно, что пафос вырастает до философского обобщения, а масштабность его поэзии становится под стать шекспировской:

Не понимаю, что творится.
Во имя благодетельных идей.
Ложь торжествует, блуд ярится...
Махнуть рукой, как говорится?
Но как же мне потом креститься.
Рукой, махнувшей на людей...

Вспоминается 66-ой сонет Шекспира «Зову я смерть...»

Жить чужой болью может далеко не каждый поэт. Этот особый строй души дается избранным Музы. Я верю, как страдал за Россию Николай Рубцов. Иначе не родилось бы гениальное стихотворение «Видения на холме», не появились «берущие за душу» строчки: «Россия, Русь, храни себя, храни!» И я твердо уверена, что сердце Зиновьева болеет за страну, иначе так не напишешь. Эти строчки продиктованы страдающей душой:

Не потому, что вдруг напился,
Но снова я не узнаю,
Кто это горько так склонился,
У входа в хижину мою?
Да это ж Родина! От пыли,
Седея, в стружьях и с клюкой...
Да если б мы ее любили,
Могла бы стать она такой?!

ЮБИЛЕЙ

Без сомнения, что Николай Зиновьев – продолжатель традиций Николая Рубцова. Любовь к Родине для них святое, сыновнее чувство.

*Я люблю эти старые хаты,
С вечно ржавой пилой под стрехой.
Этот мох на крылечках горбчатых...
Так и тянет прижаться щекой.
Этих старых церквей полукружья
И калек на грязном снегу.
До рыданий люблю, до удушья.
А за что, объяснить не могу.*

Тому, кто болеет за страну, не надо объяснять о глубокой заинтересованности поэта в противоборстве добра и зла, о его действенном участии в жизни страны. Это – позиция поэта-гражданина Н. Зиновьева. Это – путь сильных духом. Исполнять по сердечному влечению гражданский долг в своем художественном творчестве дано не каждому литератору. Поэзия Николая Зиновьева местами приобретает публицистический характер – поэт пытается поднять народ на борьбу за спасение гибнущей державы.

*Я гляжу на стожки, на болотину,
На курган у реки, на поскотину,
И сильнее, чем прадед и дед,
Я люблю свою малую родину...
Потому что большой уже нет.*

Каким разнообразным дарованием обладает поэт Зиновьев! При всем при том, он замечательный лирик, но для нее остается мало места – гибнет Родина. Ее надо спасать.

*Писать о радости, о жизни –
Таким я мнил удел поэта,
Но в погибающей Отчизне.
Возможно ль это?
И я пишу на злобу дня,
Даст Бог, буду писать и впредь я.
Ведь этой самой злобой дня,
Пронизаны тысячелетья.*

Ошалевшие от легкой наживы, от бешеных денег, обнаглели олигархи и чиновники. Вот и пришлось лирику Зиновьеву стать публицистом, чтобы защищать бедный народ. Он издевается над богатыми манкуртами, «пирующими во время чумы».

*Египет! Греция! Тунис!
Свет солнца, женщины и зелье!
О, волшебство! Круиз! Круиз –
Непреодолимое веселье.*

Да, для честного поэта остается один путь – стать обличителем хамов, глумящихся над вековыми традициями и ценностями, издевающихся над русским народом. Надо защищать бедствующий народ. А душа в то же время тяготеет к лирике и рождаются строки:

*Лирик я, лирик по сути:
Я писал бы о песнях дождей,
О заре на озерной полуде,
О таинственных криках сычей.
Не дает же мне в лирику впасть
Эта черная скользкая власть,
Что так схожа с плавкой болотной,
Присосавшейся к шее народной
И напившейся крови до жутки...
Лирик я, лирик по сути.*

Зиновьев – певец русской природы. Об этом можно много писать. Поэт так искренен в любви к русской, неброской на вид природе, что стихи, подобные таким, как: «Спустился тихий вечер летний», «Солнце све-

тит», «Осенний день», «Ночью», «Счастье», «Минуты свободные редки» составляют особую часть его разнообразной лирики.

О ярком даровании поэта Николая Зиновьева будет много написано. На данный момент очень хочется, чтобы его звонкое поэтическое имя было открыто для всех ценителей истинной поэзии. Есть чему радоваться – в литературу пришел большой поэт, страдающий за Россию!

Талантливому поэту, каковым, безусловно, является Николай Зиновьев, не пристало смущаться недостаточностью оценки его творчества современными собратьями по литературному цеху. Он должен просто трудиться, а верный и справедливый суд, как известно, доступен только истории. Да поддержат нас в трудное время оптимистические строки поэта!

*Не день, не месяц и не год –
Всегда в Россию верить нужно.
А что касается невзгод,
Они уйдут, как псы, послушно.
Они сбегут в одном исподнем,
Гонимые бичом Господним.*

Москва

Николай Зиновьев

Стою на берегу реки,
А гладь Россию отражает.
Быть может, мы с ней двойники?
Кто знает?..
Быть может, я в ней растворился
Или она во мне. Случайно.
Ну, всё. Я тут разговорился,
А это, вероятно, тайна.

О, как разлился свет луницы!
О, сколько благодатной пищи
Для стихотворцев всех мастей!
Ну, а поэт? Он, бросив лиру,
Спешит к себе домой в квартиру
Услышать сводку новостей
О кровотокащем Донбассе...

Не знаю, может, это фобия.
Но вдруг казаться стало мне,
Что вовсе нет Богоподобия
В душе
на радость сатане.

Душа скукожилась от ужаса,
Как на сухом ветру быльё.
Господь, даруй мне сил и мужества
Вернуть подобие Твое.

Веду уже я много лет
Дневник (или ночник?) души,
В которой то сияет свет,
То тьма в ней в роли госпожи.

То ненавида, то любя,
Но я веду дневник свой стойко,
Веду не только для себя,
А, может, даже и не столько...

БОТИНОК

Иду, душой совсем не иннок,
В дыму мирских напрасных дел
И вдруг споткнулся – мой ботинок
Со свистом в бездну полетел.

Бог, как узка к Тебе тропинка!
Не то, что к дьяволу пути.
Но я молюсь, чтоб мне ботинка
Того во веки не найти.

Сотворил Господь мир Словом,
Под Его б и жить покровом,
Но разрушили мы сами
Мир пустыми словесами.

Атеист кричит: «Банально
Верить в эту ерунду!»
Ну, а я поклон кладу,
Чтоб успел он кардинально
Взгляд сменить свой не в аду.

СТАРЕЦ

Я однажды подглядел:
На суку старик сидел,
Отрубил сук у ствола,
Но не падает. Дела!

Что ж не падаешь ты, дед?
Почесав седое темя,
Он сказал: «Ещё не время,
Божьей воли ещё нет».

Зачем осмысливать эпоху,
Грызая конец карандаша,

Когда, быть может, завтра к Богу
Твоя отправится душа.

Туда, где знанья и понятия
Твои давно упразднены.
Где душу ждут Христа объятья
Или оковы сатаны...

А том, что мир наш не Эдем,
Вещает моя лира.
Нет для неё запретных тем:
Мы в этот мир пришли затем,
Чтоб нам спастись от мира.

Хоть не могу без вождельеня
Пока смотреть на женщин я,
Не говори, что я – свинья,
У самого такое мненья.

Конечно, всё свалить на беса,
На Фрейда, выверты прогресса
Соблазн большой, мои друзья,
Но делать этого нельзя.

Нательный крестик на груди
Иного требует пути.

КНИЖНЫЙ МИР

НЕИСТОВЫЙ ВОИТЕЛЬ И СОЗИДАТЕЛЬ КУБАНИ

Слово о Батьке Кондрате

болезни скончался член Совета Федерации, бывший губернатор Краснодарского края Николай Игнатович Кондратенко. Ушёл из жизни один из самых ярких русских политиков-патриотов и скромный человек — Батько, как его по праву называли в народе.

Не каждого люди называют Батькой. Только близкого человека, кому безраздельно и безоглядно доверяют, кого ценят и уважают. Николая Игнатовича люди любили — за доброту, искренность, неподдельную скромность. Всепоглощающее, неистовое служение русскому народу, родному краю никогда не было для народного губернатора Кубани пустым звуком, всегда являлось путеводным в преданно исповедуемой им идеологии русского патриотизма. Его глубочайшее уважение к своей стране, к национальным традициям, истории и богатой русской культуре тесно увязывалось с православно-христианской верой, заповедями которой он неизменно руководствовался.

Вся яркая, исключительно деятельная жизнь политика-мыслителя, ратоборца и создателя, беззаветного патриота России — это жизнь-подвиг во имя народа и для народа, которому он служил

честно, самозабвенно, до самого последн его вздоха.

Всеобщий кумир Кубани, которого народ по праву любил, считал своим верным и надёжным защитником, никогда не держался ни за какие свои посты, только благодаря искренней всенародной поддержке работал на благо Кубани и России.

Жизненный путь Батьки Кондрата не был усыпан розами, напротив, острыми колючими шипами. Несомненно, физически крепкий, могучий, как говаривают казаки, Батько Кондрат мог бы жить долго, однако его здоровье подорвали неутраченные, злонамеренные, провокационно-наглые наскоки либерально-русифобской публики, как в центре, так и на местах. Они сопровождали всю его активную и плодотворную общественно-политическую деятельность, что и остановило в конце концов его горячее, неистовое, великодушное сердце...

«Самородок Н. И. Кондратенко с детства впитал всю соль казацкой земли: смекалку и мудрость, талант хлебороба, воина, политика, государственного деятеля и мыслителя. Его магическая сила — в умении вести на подвиг людей, в способности обратить в свою веру равнодушных и даже

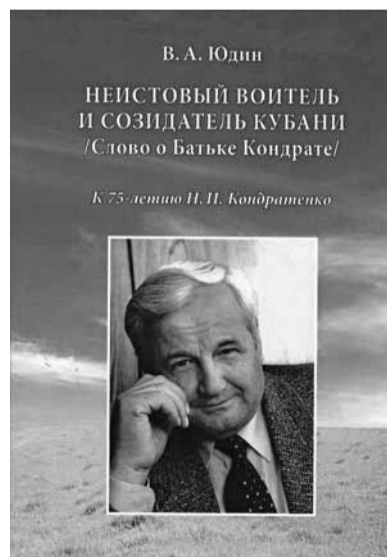
врагов, в провидении народной судьбы. За правду народную и заботу о ближних таких на Руси звали Батькой», — пишет в своей статье близкий друг и сподвижник кубанского лидера Н. Г. Денисов (Батько Кондрат и его идеология созидательного сопротивления. — В кн.: С любовью к Родине. — Майкоп, 2003, с. 17).

В те сложные и противоречивые 1990-е годы в любом, самом отдалённом уголке России при слове «Кубань» люди с доброй улыбкой восклицали: «А, это там, где Кондратенко?! Слышали, читали, знаем!» Действительно, трудно себе представить политическую фигуру того времени более популярную, авторитетную, уважаемую не только в кубанском регионе, но и в стране.

Тогда в чём же заключалась «вина» Н. И. Кондратенко, согласно цинично-лживым стенаниям неумолчных либерал-реформаторов?.. Оказывается, в том, что он, будучи несговорчивым и независимым лидером Кубани, твёрдо и последовательно проводил курс на «рыночный социализм» в том виде, в каком он отвечает истинным интересам народа и государства, и ещё в том, что Кондратенко... якобы «форменный антисемит»...

Ответ Батьки Кондрата на

голословные обвинения был показачи прям, ясен и убедителен: «И пошли бы они той козе под хвост! Не они меня избирали губернатором, не им меня и снимать. Да и за что это? За то, что я говорю о политике? Это только сионисты прячут политическое, своё мерзкое под национальное. Если начинаешь разоблачать политику грязную, то они кричат, что ты выступаешь против евреев. Я не шовинист и не антисемит. И решительно против навязываемой по всему миру идеологии сионизма, возвеличивания одной какой бы то ни было нации над другой, тем более в исторически сложившихся условиях тесного проживания, что называется бок о бок, десятков разных народов и наций Северного Кавказа. Известно, какую огромную опасность источает этот регион, он испокон веку являет собой пороховую бочку, которую не раз пытались поджечь как чужеземные недруги России, так и доморощенные русоненавистники. Я твёрдо знаю одно: демографическая структура нашей многонациональной страны должна отражать содержание общества. Иначе общество может взорваться. Если мы хотим дружно жить, в этой ситуации у нас должен быть только такой подход. И нельзя нас, русских, унижать, нельзя нас, русских, топтать, нельзя к нам, русским, безразлично относиться!»

Юдин В. А.
НЕИСТОВЫЙ ВОИТЕЛЬ И СОЗИДАТЕЛЬ КУБАНИ /Слово о Батьке Кондрате/
К 75-летию Н. И. Кондратенко. — Армавир: РИО НЧОУ ВПО АЛСИ, 2015. — 80 с.

(отрывок из книги)

*Скажу и мёртвым и живым,
Скажу я Родине любимой:
Наш русский дух несокрушим,
Святая Русь — непобедима!*
(из казачьей песни)

С моей малой родины — Кубани — пришла скорбная весть: на 74-м году жизни после тяжёлой

ПРОЗА

В ТИХОЙ МУЗЫКЕ ДОЖДЯ...

Рассказ

Невнятным голосом диспетчер вокзала объявила посадку на электричку, идущую из Краснодара. Была пятница – день большого отъезда из города, и после объявления поток людей устремился на дальний перрон. Поспешил и я. Хотелось сесть в вагон с мягкими сиденьями, чтобы потом не болела спина. Убыстрив шаг вслед за бегущими студентами, я обратил внимание на цокот костылей идущего высокого парня, одетого в поношенный военный комфляж, с подвёрнутой ниже правого колена штаниной, низ которой промок от сукровицы. Привязанная к костылю в такт ходьбе болталась лёгкая матерчатая сумочка. Парень шёл осторожно, и я подумал: не иначе после недавней ампутации. Подумал и поспешил дальше, обогнав парня.

Мягкое откидное кресло занять я успел, но электричка ещё долго стояла, и я второй раз увидел того же парня, проходившего через вагон. Он искал свободное место, и ему помогала в этом девушка из поездной бригады. Потом до самой станции парня на костылях я не видел, а на станичной станции, услышав по громкой связи о долгой стоянке из-за ремонта путей, вышел на перрон. В станице, на окраине которой примостилась станция, шёл тихий дождь. Он шептал пожелтевшим листьям, что пришла пора расставаться с берёзами и липами, и они, нехотя с ним соглашаясь, опадали, кружились и прилипали ко всему, к чему приклеивал их небесный посланец осени. Я ловил лицом дождинки, радовался редкой октябрьской тишине, которая нарушалась на станции вздохами электрички, стравливающей из компрессоров воздух. И тут снова увидел парня на костылях. Он покупал что-то у вокзальной торговки, а потом отошёл к высокому бетонному блоку, закрывающему въезд машин на станцию. Парень присел на доску, лежащую на бетоне, вытянул для отдыха здоровую ногу и достал из пакетика пирожок. Тут же, неизвестно откуда, перед ним появилась рыжая сука с сосисами чуть ли не до самой земли. Я решил подойти к парню.

-Здорово, служивый! – сказал я.

Парень пристально поглядел на меня и кивнул. Был он с правильными чертами лица, сероглаз, русоволос – о таких говорят: «Хорош собою».

-Компанию можно составить солдату и собаке?

-Можно, батя, – ответил он и бросил собаке кусочек пирожка.

Сука угощение поймала, облизнулась и завилала хвостом, прося ещё. Садиться на мокрую доску я не стал, оперся ногой о блок и остался стоять, оперев локти на колени – так было удобно.

-А почему решили, что солдат? – спросил парень.

-Едешь в форме, выправка армейская чувствуется. На транспорте бедных едешь. Домой?

-Домой... И почти приехал. А ты, батя, глазастый, ментом что ль был раньше?

-Ты тоже глазастый. Только не ментом, а учителем был. На пенсии я.

-Учителем? Уважаю! Но ехал я, батя, на электричке только сюда. Оттуда, – он кивнул головой на север, – доехал до города с родителями товарища на машине.

-Значит, всё-таки «юго-восток», Украина, там был.

-Там.

-Осколок, противопехотная покалечила?

-Не знаю. Не понял. Бой у нас был с «украями» недалеко от границы. В жгуте ребята меня и перевезли в Россию. Там граница – лесополоса. Врачи и подравняли обломки, чтоб красивше было, – он усмехнулся, – Но живой – и ладно.

Парень замолчал. Бросил собаке кусочки второго пирожка, не попробовав его. Шеле-стел дождь. Я посмотрел на часы. Время стоянки электрички уходило, но посадку не объявляли, и я спросил:

-А родители знают, что воевал?

Парень покачал головой и ответил:

-Сказал, что уезжаю после демобилизации на Север.

-Значит, не знаешь, как теперь домой явиться, что родителям сказать?

-Угадал, батя.

-Скажи, что попал в аварию на дороге.

-Так и думал. Но есть ещё на плече пятна от сквозного пулевого. Про них что сказать? Он повернул лицо ко мне, и из его прищуренных серых глаз на меня глянула горестная тоска.

-Да и как мне теперь? – продолжил он, – Инвалидом войны никто не признает – я сам поехал русским помогать. Чиновники скажут, как афганцам говорили: «Мы тебя туда не посылали». А там, батя, такой котёл... Кто в нём только не варится. И ни хрена не поймаешь, чего хотят люди: русские, украинцы.

Кого защищать? И русские там разные. Есть такие – век бы их не видеть.

-Так везде, сынок, – сам не знаю, отчего к нему я так обратился и присел на доску рядом, – Такое везде и всегда было, сынок. Разные все люди и разного хотят. Но только русские за други своя проливают кровь и кладут жизнь.

Он покивал головой и ничего не ответил. Гладил собаку. Сука, съев второй пирожок, уткнулась головой ему в кулють и притихла.

К нам по перрону подходил нечёткой походкой бесшабашный мужичок из вокзальной трудяжной братии. Увидев собаку, остановился.

-О, Хохлуха! Уже нашла хозяина, прибуду! Кутят оставила, а я тебе похавать приносил, – произнёс он, покачиваясь.

Парень прекратил гладить собаку и поднял глаза на пьянчужку.

-Это что у неё за кличка такая? – спросил он.

-Хохлуха? Она и есть Хохлуха – из Хохляндии. Её из украинского поезда выкинули, мы и прозвали так. А чё, братан?

-Кличка необычная, – ответил за парня я.

-Шо необычного? Только сук и называть. Кто ж ещё у американской обезьяны на поводке ходит и на Россию гавкает?

Парень прошептал ругательство, опустил голову и сжал ладонями виски.

-Ты чё, братан? Плохо? – спросил мужичок, – На вот, поправся пивом. У меня тоже после будна голова болит, – и он положил рядом с парнем пятидесятирублёвку.

Парень не поднял головы. Сука преждемуже сидела у его ноги, и сыпал дождь. Вроде шептун, тихий, а пока говорили, намочил. Мягко, в дождливой тишине, прошипели тормоза подошедшего состава, и на следующем за электричкой пути остановился поезд. На последнем вагоне, как раз против нас, отчётливо читалась табличка «Киев-Адлер», а выше неё красовался трезубец. Звякнула дверь вагона, и на перрон выпрыгнули покурить пятеро каких-то одинаково упитанных мужчин, один из которых был почему-то в бронжилете. Мужичок повернулся на звук двери и вытаращил глаза. Но до него быстро дошёл смысл таблички и трезубца, и он произнёс:

-О, бляха-муха, дорогэньки прыйихалы!

И, став смирно, вскинув руку в бендеровском приветствии, прокричал:

-Слава Украине, мать её...!

Выпрыгнувшие из вагона обернулись и молча, побросав окурки, полезли назад. Через минуту их поезд ушёл на юг.

-Вот так их! – сказал мужичок, расправив грудь, – Раскатываются по России, как по своему Майдану.

-Это называется: укусила Мурка рака за сраку, а раку Мурка до сраки, – заметил парень.

-Ха-ха, Мурка рака... – повторил мужичок, смеясь, махнул нам рукой в знак прощания и пошёл дальше по перрону.

В это время голос из хриплого динамика сообщил: «Электропоезд сообщением... отправляется через пять минут».

-Ну, вот и расстаёмся, – сказал я парню, встал и положил на пятидесятирублю пару сотенных, – Домой на такси хватит?

-Хватит, спасибо Вам, – ответил парень, – Но вообще-то деньги у меня были. Перебилась б год-другой. Но пока был в бреду да под наркозом – исчезли. Документы и награду не тронули.

И он отвернул ворот куртки, и на внутренней стороне я увидел Георгиевский крест.

-Носи его, не прячь! И прощай, герой, – сказал я, и мы пожали руки.

Парень тоже поднялся. Объявили отправление электрички, я подошёл к ближнему вагону и посмотрел на парня. Он тоже обернулся.

-Как зовут-то тебя, сынок? – крикнул я.

-Назвали Алексеем! – ответил он.

«Значит, защитником», – вспомнил я значение его имени.

-Береги себя, Лёша, жизнь не кончилась! – снова крикнул я, уже стоя в дверях вагона.

-Кто он такой, бомжак? – спросил подошедший вокзальный страж, здоровенный веснушчатый казачина.

-Зачем так? Он с войны. Герой!

-А-а... – протянул казачина.

Близился вечер, но дождь не переставал, сеял и сеял, приглушая звуки станции. Кружились опавшие листья, и слышался шёпот дождинок. И в этой тихой музыке дождя на опустевшей станции отчётливо звучал цокот костылей, как удары собственного большого сердца. Хохлуха провожала Лёшу поскуливая. Электричка тронулась.

Степан Деревянко,
член Союза писателей России.
Ноябрь 2014 года.

МУЗА НОВОРОССИИ

Печаталась в сборниках ТО СТАН и «Радуга».

* * *

В один из дней когда-нибудь побуду
Сама собой, забытая на срок.
И Бог простит немытую посуду,
И неметёный с вечера порог.

В один из дней сгребу в охапку звуки,
Переберу, развешу, просушу.
И растолку на буквы в медной ступке...
И Бог прости за то, что я грешу.

КРЫМСКАЯ ВАКХАНКА

Вакханка амазонкой не была,
До пят косы сплетённой не носила.
Она по правилам иным жила,
И слабость девы называлась силой.
Взгляд гордой жрицы грустью поражён.
Глубокой ночью идол лижет губы.
Разрушен храм и идол подождён,
Шрам на груди багрово-сине-грубый.
И в пляске жгуче красных языков
Потом сквозь время заплетётся слово,
И женщине, не знающей оков,
Кольцо из золота, но рабского, готово.
Я кровью идола намажу жадный рот.
Ночь скроет тайну перевоплощения.
Мир преднамеренно и нагло врёт -
Я возвращаю ваше украшеньё.
Вакханка амазонкой не была,
Ей не понять кроваво-синей боли.
В рассветный час рука небес вплела
В венок любви цветок лиловый...

НЕНАПИСАННОЕ ПИСЬМО

Здравствуй, мама! Как тебе живётся?
Дров в достатке? В доме ли тепло?
Попроси соседа – из колодца
Принесёт тебе воды ведро.
Навари борща, как ты умеешь,
помнишь, со сметаной я любил.
Угости Пирата, не жалея,
чтобы, горемыка, он не выл.
И сама снеси мобильник в сени,
а уж лучше выброси в чулан...
Я как в детстве обнял бы колени,
чтоб ты не молилась на обман.
Я бы небо упробил до срока
удержать губительную весть...
Заманили в преисподню Бога,
повезло ж в АТО мне, дурню, влезть.
Ты прости меня, моя родная,
что не выполню сыновний долг,
не придётся, с внуками играя,
рассказать про мудрость всех дорог
Не тебе... А мне всего осталось
ковылём донбасским прорасти...
Ни за что душа моя пропала...
Если сможешь, мамочка, прости.
Не печалься, мне не одиноко.
Здесь в воронках – сотни полегло.
Отпевал нас «града» жаркий грохот,
а ведь по-другому быть могло.
Да уж что там говорить об этом,
постарайся рассказать друзьям:
«Террористов на Донбассе нету,
жизнью я своей проверил сам!»

Вот и все. Прощай, моя родная,

не ищи меня среди полей.

Для земли донецкой и бескрайней
грешник я великий среди людей.
P. S.

по весне, когда ты сеешь мальву
под моим зашторенным окном,
я шепчу сквозь все преграды-дали:
«Я люблю тебя и отчий дом!»

* * *

я против войны, ссор и разборок
и месть не самый лучший советчик
но если над домом осколки и порох
а в погребке ладан иконы и свечи
и рядом развалины вместо соседей
(их дом был примером на улице нашей)
я против, я против,
и пусть, отобедав
сегодня пустой недосоленной кашей
я против войны, безрассудной разрухи,
и может, прошу за сожжённое поле
и слезы уставшей голодной старухи
разъевшие щеки избыточной солью;
я против войны но под шелест снарядов
прости меня, Боже, за речи такие.
Как я бы хотела, чтоб был сейчас рядом
со мною майдан,
да что там весь Киев
чтоб не на словах а на шкуре любимой
смог каждый почувствовать страх за детей
да вдох облегчения когда взрывы мимо
да выдох отчаянья: «Неоправимо!!!»
Где «грады», как снайперы, бьют по судьбе,
я к Миру взываю! Но если быть честной
молюсь за солдата, что поднялись щитом
от своры жестокой бесчеловечной
спасти сохранить Нашу Землю Наш Дом.

Лирика из Краснодона

Ирина Черниенко

Руководитель литературного объединения «Радуга» (Краснодон).

Участник всеукраинского фестиваля поэзии «Элита-2006» (г.Луганск). Организатор I Всеукраинского поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты-2009».

ПОЭЗИЯ

Кронид
Обойщиков

К северу, к северу, к северу...

ПОТОМСТВА БУДУЩЕГО РАДИ

По институтским коридорам
Ходить с зачёткой не пришлось.
В гуденье авиамоторов
Ложились в стих любовь и злость.

Спешил к Твардовскому, к Светлову,
Но прерывало мой полет
Неуправляемое слово
Как сбитый в штопор самолёт.

И весь талант, что был нам даден,
Мы отдавали в дни войны
Потомства будущего ради
И ради собственной страны.

Не то обидно, что на пули
Шли без раздумья в трудный час,
А то, что дети отвернулись,
И в сторону ушли от нас...

Их жить, как мы, уж не научим,
Но те, кто торгом заняты,
Не смогут долларом вонючим
Закрыть нам песенные рты.

2000г.

КАК ПО МИННОМУ ПОЛЮ

Ночь в огнях проскакала,
Свет пробился в окне,
Что за участь такая —
Вековать на войне?
Я пишу о ней даром,
Понимаю — старо.
Но бежит санитаром
Вслед за ротой перо.
С неутешною болью
Сквозь чужую беду,
Как по минному полю,

Всё иду я, иду.
Не забыть, не укрыться.
Но сподручнее мне
Всё, что ныне творится,
Проверять по войне.

Я пишу для наследья
По причине простой:
Может, писарь последний
Я из армии той.

2000 г.

* * *

По длинной улице села
Мужчины на войну шагали.
Дорога пыльная вела
В чужие гроззовые дали.
А слева. Справа от солдат
Печально выбелены хатки.
И у плетней
В слезах стоят
Уже не жёны,
А солдаты.

Взяла всех пахарей война,
А в поле греча расцветала,
Бойцы шли тихо и устало,
И улица была длинна
И долго их не отпускала.

СМЕРТНИЦА

О, женщина, могла бы в чреве ты
Нести дитя — создание аллаха.
Но ты несёшь
Могилы и кресты
На поясе проклятия и страха.

Прекрасны твои чёрные глаза
И гибок стан.
Но дни твои сгорели
И как петля, затянута коса
На тонкой шее вспугнутой газели.

Остановись! Душой ты чище тех,
Кто обманул тебя приходом рая.
Остановись! Сними с себя свой грех,
Красивая и молодая.

Ты для любви и счастья рождена
В родном краю божественно прекрасном.
Ты убивать невинных не должна,
О том Коран глаголет ежечасно.

Сама хозяйка ты в своей судьбе.
Прислушайся, как тихо, но упрямо
Твой не зачатый сын кричит тебе:
Я жить хочу! Ты не шахидка, мама!

4.08.2010 г.

* * *

Мы когда-то уйдём за ограду
И оставим, как радость и боль,
Небу — звезды и яблоки — саду,
Знамя — Родине, детям — любовь.

Пламя душ — остывающим домам,
Полю — колос, морям — корабли,
Наши слёзы и горести — вдовам,
А возьмём лишь два метра земли.

Лишь два метра. Но будем мы рады
Что богаты, как были всегда.
Это ж рядом — всего за оградой —
Звёзды, яблоки и города.

05.04.2009 г.

* * *

Не ходить мне на свиданья —
Глаз померкла синева.
Для любовного признанья
Растерял я все слова.

Постаревший, некрасивый,
Никому уже не мил
Но тебе, моя Россия
Я словечко сохранил.

То словечко, как колечко,
Я на память подарю.
На прощанье перед свечкой
Душу настезь отворю.

И в последний миг бессилья

То словечко прошепчу...
Но пока с тобой, Россия
Расставаться не хочу.
30.10.2009 г.

* * *

Уже не с юношеской прытью,
Но с той же жаждою страстей
Нам новых хочется открытий
И сумасшедших скоростей.

И в жизни поздний час вечерний,
Когда заказаны гробы,
Мы вверх взлетаем на качелях
Своей изменчивой судьбы.

И мне, как странникам немногим,
Кому давно указан путь,
На неизвестные дороги
Смертельно хочется шагнуть.

Пусть я старик, но я ведь русский,
У нас особые сердца —
И петь, и пить, и перегрузки
Тянуть тройные до конца.

А уж потом в согласье с роком
Лететь в просторы тишины,
Где наши предки и пророки
На праздник встретиться должны.

ПРИСЯГА

Я Родине однажды присягнул —
Себя к ней словом честным пристегнул.

Она сияла — я светился с ней,
Она страдала — я страдал больней.

Но вдруг сошла с дороги колея,
Осталась где-то Родина моя.

Простите люди, мил мне новый путь,
Но не могу я на него шагнуть,

Лишь потому, что никогда не лгал
Той Родине, которой присягал.

Нина
Волченкова

Брянск

ВETERАНАМ

Не лечит время раны фронтовые,
А солнцу не дано уйти в зенит.
Всплывают даты, даты роковые,
И Память тонкой нотою звенит.

Не заживают колотые раны,
Штыки до сердца вашего дошли.
Примите благодарность, ветераны
От всех погибших жителей земли.

От нас примите слово, как молитву,
Живите, вспоминая каждый миг,
Чтоб выиграть сегодняшнюю битву,
Чтоб не случился страшный детский крик.

ПИСАТЕЛЮ

Высок удел писателя-таланта!
К вершинам прозаической строки
Стремимся, как военный к аксельбантам,
Но не дойти без авторской руки.
Писатель мудр, ему даётся свыше
Не поучать, а жизнь принять такой,
Чтоб Слова смысла, чести, не нарушить,
Чтоб поселился благостный покой
В душе читателя, когда исполнен веры:
Он за героя в воду и в огонь —
Тому на свете множество примеров...
Ах, память сердца! Только её тронь,
И потекут, что реки, наши слёзы,
Не принимая смерти рваный рот.
Стремимся отвести беду, угрозы, —
Неволен автор, чтоб наоборот.
И потому в художника пространстве —
Реальность через думы и талант.
Читатель с неизменным постоянством
Рисует и рисует аксельбант.
Душа всегда и плакала, и пела,
Когда с героем мы в одном строю.
Сердечный ритм, не нарушай пробела —
Писатель на странице, как в бою.

На вышитый рушник кладут цветы —
Они с лугов,
где кровь людская льётся.
И мулине в соцветьях красоты
За свет земной
и запах жизни бьётся.
Какая зелень сочная, смотри!
А капельки на листьях
как веснушки.
Ромашка запылённая, утри,
Своё лицо. И помни,
что избушки
Красны углами,
и в одном из них —
Ты только подними глаза повыше —
Увидишь лик
из самых дорогих,
Услышишь,
как природа тихо дышит.
Возьми иглу и солнечных лучей,
И полотно белёное
потрогай,
И вышей пламя тихое свечей,
Которое укажет нам дорогу
к любви людской.
Покуда здесь живём,
Покуда наше сердце
в ритме бьётся,
Пусть радуется земля своим жнивьям,
Пусть радость золотая колосится.
И мулине, касаясь полотна,
Ложится тихой памятью нетленной.
Стежок к стежку — родник,
не видно дна...
Храни Господь славян
во всей Вселенной!

* * *

Мощь, величие Слова —
Нам и щит, и оплот.
Почему же мы снова
Средь топких болот?
Виноваты столетия,
Перекрёстки эпох,
Что везде лихолетье?..
Как измаялся Бог!
Вседержатель, Спаситель
Волю дал неспроста,
От людей Вдохновитель
Не желает креста.
И того, где распятым
И униженным был,
Сердцем, болью объятим,

Ничего не забыл.
И венец свой терновый
Он несёт до сих пор,
Чтобы мир в жизни новой
Не стонал среди гор,
Небо было высоким,
Не давил душу склеп,
Чтоб добром синеоком
Был и светел, и леп.
Но покой только снится:
Украина — Содом,
Окон нет, лишь глазницы...
Стыдно будет потом!
Кроме воли дан разум,
Как прожить этот век.
Против зла и заразы
Встань на бой, Человек!

МОЛИТВА

— Спасите, Птицы,
От людей поганных! —
Взывает к Небу
Худенький малыш.
— Здесь, на земле,
Сочатся кровью раны,
И «Грады» разорвали
В ключья тишь.

— Спасите, Птицы,
От жестоких взглядов,
Хотя уже и их
Я не боюсь.
Я презираю мир
Ползучих гадов,
За человеческие души
Я молюсь!

— О, Птицы Света!
Пусть роса на травах
Брильянтами блестит,
А не слезой.
Не наигрались взрослые?
Облавы!
Кто на кого?
Да и какой грозой!

— В надежде поднимаю
К Небу руки:
О, Господи!
Спаси мою страну.
Не допусти
С любимыми
Разлуки,

Не брось
В чужом краю
Её одну...

— Спасите, Птицы,
От людей поганных! —
Взывает к Небу
Худенький малыш.
Грустят
Земли советской
Ветераны...
А слёзы Небо
Льёт
С покатых крыш.

Анне Вартаманьян по прочтении
книги «Здравствуй, снег»

Душа к душе — твои миниатюры
О сальвиях, надежде, и заре,
О снеге, из которого фигурки
Слепить возможно даже в сентябре.

И клавишей коснулись твои руки,
И музыка надежды полилась.
Распахнут мир, растаяли разлуки,
Любовь на небосклоне занялась.

— Так что же плачешь ты, моя отрада? —
Меня ты слышишь? Ну же, отзовись!
Тоска на сердце — лёд, а не прохлада,
Но как спасение: вернись,
вернись, вернись!

Не страшен дождь — земля впитает влагу,
И сменил обязательно наряд,
Во время бури позовёт отвагу —
Её рубины пламенем горят.

Полынных нот почти благая милость,
Но сквозь туман прорвёшься всё равно.
Скажи себе: «Как много мне приснилось!
Иль это стародавнее кино?»

Открой альбом, Соловушка, не бойся,
Погладь рукою светло-синий лист,
И миру вдохновенному откройся,
Он, как и ты, благословенно чист.

Взгляд на икону... Добрая улыбка...
Слова молитвы: «Господи прости!»
Как облака на небе, время зыбко,
Но нам с тобой расти ещё, расти!

СОБЫТИЕ

«Стремясь к заветной высоте»

8 апреля в Краснодарской библиотеке имени К. А. Обойщикова на территории городка им. маршала Г. К. Жукова состоялось музыкально-литературное мероприятие, посвящённое 95-летию со дня рождения выдающегося кубанского поэта, чьё имя носит библиотека. На встречу были приглашены учителя и ученики школы №95, представители читательской общественности, любители русской поэзии, почитатели творчества знаменитого земляка.

Была организована книжная выставка произведений поэта, создан музейный уголок.

Среди приглашённых были те, кто хорошо знал при жизни этого замечательного человека – дочь поэта, Галина

Ковальчук, а стихотворение «Письмо русского ветерана украинскому солдату» – заведующая сектором «Читальный зал» Е. Е. Бояр.

Дочь поэта Г. К. Постернак с любовью и гордостью рассказала слушателям о малоизвестных широкой публике фактах жизни и творчества отца, о его отношении к семье, об удивительной душевной силе этого великого человека, любви которого хватало на всех людей, с кем сводила его жизнь, а силы духа доставало на то, чтобы, будучи уже глубоко больным человеком, срывать с места по первому зову и совершать дальние путешествия – то в Северодвинск для встречи с моряками-подводниками, то – после двух инфарктов, прямо с больничной койки – через всю Европу в Англию по приглашению королевы для встречи с ветеранами северных конвоев.

Ученики младших классов 95 школы

представили литературный монтаж стихотворения К. А. Обойщикова «Это можно, это нет» в исполнении членов клуба «Юный жуковец», в исполнении ученицы вокального отделения Детской школы искусств №14 Леры Джугань прозвучала песня «К тебе спешу я, Краснодар» на слова К. А. Обойщикова под музыку М. Самойлова. Стихотворение К. А. Обойщикова «В театре» исполнил ученик Детской школы искусств Виталий

Кронидовна Постернак и писатель Вячеслав Динека.

Ведущая Людмила Петровна Шипилова подробно и проникновенно рассказала присутствующим о жизненном пути воина-поэта, лётчика-штурмана, ветерана Великой Отечественной войны, видного общественного деятеля, почётного гражданина города Краснодара К. А. Обойщикова. В ходе её рассказа перед слушателями рельефно вырисовы-

представили литературный монтаж стихотворения К. А. Обойщикова «Это можно, это нет» в исполнении членов клуба «Юный жуковец», в исполнении ученицы вокального отделения Детской школы искусств №14 Леры Джугань прозвучала песня «К тебе спешу я, Краснодар» на слова К. А. Обойщикова под музыку М. Самойлова. Стихотворение К. А. Обойщикова «В театре» исполнил ученик Детской школы искусств Виталий

Кронидовна Постернак и писатель Вячеслав Динека.

Ведущая Людмила Петровна Шипилова подробно и проникновенно рассказала присутствующим о жизненном пути воина-поэта, лётчика-штурмана, ветерана Великой Отечественной войны, видного общественного деятеля, почётного гражданина города Краснодара К. А. Обойщикова. В ходе её рассказа перед слушателями рельефно вырисовы-

СОБИНФО

В. Динека

КОМАНДИРСКОЕ СЕРДЦЕ

С рождения в русском живёт человеке
Любовь к неоглядной Отчизне своей.
Россия была и пребудет веками
Согрета сердцами своих сыновей.
Но кто они, те, что в молчании строгом,
Вожди измождённых и хмурых полков,
Устало прошли по разбитым дорогам,
Не в силах сдержать наступленья врагов?

И чёрной тоской каменели их лица,
Когда с поредевшими ротами шли
От самой границы!
От самой границы
По пыльным дорогам родимой земли.
Сквозь жаркие дни и тревожные ночи,
Сквозь пепел селений – туда, где рассвет,
И капали слезы...
И женские очи
С тоскливым укором смотрели им вслед.

Не смей каменеть, командирское сердце!
Не плачь, истекая бессильной слезой!
Ты яростью новой должно разгореться,
Как туча себя разжигает грозой.
Пускай мы уходим по тропам унылым,
Взрывая заводы, сжигая мосты,
Но скоро поднимется грозная сила,
Фашистским колоннам ломая хребты.
Уже разгорелась заря на востоке,
Уже зародились победные дни,
Уже развернулись крутые потоки,
Уже устремились на запад они.
Уже по истерзанной дымной планете
Стальные полки для последней борьбы
Ведут полководцы – крестьянские дети,
Солдатами ставшие волей судьбы.

Им было назначено мирное поле
И радость, и труд на родном берегу...
А ныне же – их непреклонная воля
Железную спину ломает врагу...

Как страшно с рассветом по-летнему звонким
На гибель мальчишек своих посылать,
А ночью бессонной писать похоронки,
И павших друзей, как живых, вспоминать.
Во сне – они вновь со своими бойцами,
Которых в живых уже нету теперь.
Сердца командиров покрыты рубцами,
Облиты тоской невозвратных потерь...
Бескрайние нивы, великие реки,
Суровые воды холодных морей –
Россия была и пребудет веками,
Политая кровью своих сыновей.

ПОБЕДНЫЙ МАЙ

Владимир Козорезов

(Армавир)

День Победы

Нет окопов и воронок,
Устарели ППШа,
Но рубцы от похоронок
Носит русская душа.

Ей вовек не станет легче,
Жизнь потери не вернёт.
Кто сказал, что время лечит?
Кто сказал, что все пройдёт?!

Нет надгробий в чистом поле,
Не бурлит людской ручей —
Светят звезды Божьей волей
Вместо траурных свечей.

Майский воздух сердце дразнит,
Пробуждая естество.
День Победы – жизни праздник,
Вечной жизни торжество.

Екатерина Герасимова

(ЛИТО «Верность», Краснодар)

СИЛА ЛЮБВИ

Лежал солдат на поле боя...
Он в грудь был ранен тяжело

И, чтоб отвлечь себя от боли,
Родное вспоминал село.

Он думал о своей любимой,
Что в том селе его ждала,
Была бы боль невыносимой,
Когда б любовь не помогла.

Он видел в небе отраженье
Её прекрасного лица;
И, ощущая облегченье,
Без страха ожидал конца...

Вдруг женский голос он услышал -
На поле медсестра пришла;
Она спасла его, он выжил!
Не зря любимая ждала!

Надежда Никулина

(ЛИТО «Верность», Краснодар)

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

В ритме прощального марша
Скорби пронзающей боль,
Стук метронома и чаша –
Памяти Вечный огонь.

Помним глаза возмужавших
За ночь соседских ребят,
Связку с гранатами сжавших:
«К бою!», «Ни шагу назад!»

Море, бои и блокада,
Мины до самого дна,
Тысячи жертв Ленинграда
Злобно сгребала война...

Матери, сёстры, солдатки,
Дети прошедшей войны,
Слушают звуки «Славянки»
Рвущие звенья тишины.

Чудятся отблески взрывов,
В меди начищенных труб...
– Живы Вы, живы Вы, живы...
Помним – срывается с губ.

Василий Макаручук

ШЛА ВОЙНА ПО ВЫЖЖЕННЫМ ПОЛЯМ

Макаручуку Афанасию Васильевичу посвящается

Отец, отец,
В высоком смысле слова
Твой трудный путь – примером сыновьям.
Мы твой рассказ готовы слушать снова,
Как шла война по выжженным полям.

Отец, отец,
О, как мы с братом рады,
Что день Победы встретим мы с тобой,
Что молодым зимой под Сталинградом,

Остался в битвах чудом ты живой.

Отец, смотри незрячими глазами...
Скажу душой признательной любви:
Ты был и есть, всегда ты будешь с нами,
Здесь все с тобой – любимые твои.

Отец, отец,
Скажу я о высоком:
«Ты от родных вбираешь свет любви.
Весенний день стекает чистым соком
Опять в глаза незрячие твои».

Валентин Мартынов

(Краснодар)

Расулу Гамзатову

Высоко над казачьей станицей
Ровным клином летят журавли
И разносят небесные птицы
Свой напев вековечный – «курлы...»

Машут, машут большими крылами,
Величаво по небу плывут.
Это братья из неба над нами,
Свой привет нам, живым, подают.

Снова стая над степью курлычет,
Снова к югу летят журавли,
С высоты остающихся кличут...
В небе медленно тает: «Курлы...»

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС-14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России;

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

Издатель: ИП «Кириллица»

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

ИНН 21320897906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка
и художественное оформление: А. Прокопенко
Корректор: Ю. Полушина

Подписной индекс 54713

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350061

г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах
http://sites.google.com/site/sprosia
и http://sprosia.narod.ru

и Краснодарской краевой универсальной
научной библиотеки им. А. С. Пушкина
www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии

ООО «Флер-1»

г. Краснодар,

ул. Уральская, 98/2

8(861) 274-10-74

Заказ № 1870

Подписано в печать
14.04.2015 г.
по графику в 10.00,
фактически в 10.00.

Тираж: 999 экземпляров
Цена свободная